

Лев Шестов

АПОФЕОЗ БЕСПОЧВЕННОСТИ

T8 RUGRAM

УДК 1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ш52

Шестов, Л.

Ш52 Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 312 с. — (Русская мысль).

ISBN 978-5-521-78208-6

«Апофеоз беспочвенности» - вероятно, самая известная из книг Льва Шестова и, по крайней мере, самая скандальная. В ней он предпринимает фронтальную атаку на общеобязательное знание и нравственность, утверждая, что последние есть подмена истины. Философия начинается не с удивления, но с трагедии — она не о «познании», а о том, как жить человеку, когда все привычное рухнуло и общеобязательное не только не может спасти, но лишь делает осуждение безоговорочным. Но если отказаться от гарантий, поставить все на беспочвенность — то можно обрести надежду.

BIC HP
BISAC PHI000000

Андрей Тесля

НАДЕЖДА И УПОВАНИЕ

«[...] люди на то и люди, чтобы
ничего до конца не доводить».

*Из письма Льва Шестова —
сестре Фане, 14.IV.1905 г.*

«Апофеоз беспочвенности» (1905) — во многих отношениях самая неудачная книга Льва Шестова (1866–1938). Во-первых, она была дурно принята критикой и даже относительно благожелательные отзывы содержали серьезное недовольство.

Во-вторых, что более важно, она была не понятна — и само время способствовало недопониманию: рассуждения Шестова считывались публикой в ряду общих декадентских, анархистских и тому подобных увлечений. Одним претил его бунт против морали и закона, другим он был приятен — но понимание того, ради чего и отчего бунтовал Шестов, у его оппонентов оказывалось зачастую более глубоким, чем у

мнимых единомышленников. Попытка объясниться устно ничуть не исправляла ситуацию — как вспоминала Евгения Герцык об обсуждении книги в московском литературно-художественном кружке: «один [...] пожилой *bon-vivant* в конце прений заявил, что он совершенно согласен с докладчиком и тоже считает, что нужно срывать цветы удовольствия...»¹.

В-третьих, пониманию книги мешал сам ее стиль — если для Шестова это было обретение той формы, в которой его мысль чувствовала себя адекватно и к которой он был близок и ранее (не решаясь совершить последний шаг, все еще придерживаясь видимости систематического изложения, собирая из разрозненных, единичных заметок пасьянс законченного текста), то для публики это представало как подражание Ницше, причем двойное: по форме и по содержанию.

Оригинал был установлен, соотношение с ним шестовского текста определено, а зачем нужно подражание, когда есть исходник? Зачем нужна местная (если не местечковая) версия того, что создано, доступно и признано в своем достоинстве?

Впрочем, в последнем отношении публика не была совсем не права — и это делало недопонимание безнадежным. Действительно, Ницше имел решающее, освобождающее значение для Шестова — и как мыслитель, и как писатель. Шестов и вошел в русскую ли-

¹ Герцык Е. К. Воспоминания. — Paris, YMCA-Press, 1973. С. 104.

тературу как истолкователь ницшевской философии, как тот, кто сталкивал с последней русских классиков, читал их сквозь призму Ницше, полемизируя, опираясь на него или открывая у них то содержание, которое до подобного прочтения оказывалось недоступным.

Он выступал как интерпретатор — посредник между двумя, ранее радикально разведенными между собой, культурными пространствами, а теперь осмелился выступить от собственного лица, не говорить «по поводу», а приняться за самое существо дела — своего собственного, личного, как он и писал в трех своих предыдущих книгах, но в них читателю позволялось принять это за «личный взгляд на...» и далее сосредоточиться на том, на что, собственно, был направлен этот взгляд: система культурных опосредований позволяла умножать «взгляды». В первой книге, самой робкой из им написанных, Шестов создает целую систему говорения об одном через другое — о Шекспире по поводу книги о нем датского критика Брандеса, который в свою очередь предстает лишь слабым отголоском Тэна, за которым Шестов обнаруживает Канта, позволившего практически обходиться без Бога, отведя тому место в теории, где он никого уже не беспокоит — и откуда затем окажется возможным без особых проблем, почти незаметно для самих себя, вынести его окончательно в область личных предпочтений, о которых спор неуместен.

В дальнейшем Шестов вернется к своему излюбленному приему — говорить о своем, разбираясь с

другим — ведь свое позволит ему видеть в общеизвестном, хрестоматийном совершенно неожиданное: он будет совершенствоваться в своем искусстве «подглядывать», за авторами различая людей, ловить их на странных мыслях, настойчиво допрашивать, что побуждало их рассуждать, что заставляло так философствовать — ради чего были все эти усилия? Ведь не из чистой радости мысли и не из любопытства-удивления — поскольку каждый из нас знает, что любопытство и удивление — вещи скоропреходящие и, стоит нам хоть немного попривыкнуть к тому, чему мы удивились, мы ищем новый предмет или научаемся получать удовольствие в привычном, радуясь, что ничего не меняется.

Разбирательство с другими, которое вел Шестов, позволяло ему писать и объясняться с читателями, которые не приняли бы (и не приняли, как показала история «Апофеоза...») его прямого высказывания: он показывал иного Паскаля, иного Плотина, иного Толстого — и читатель был увлечен этой «другой стороной», но ничто не заставляло его отказываться от лицевой стороны. Здесь Шестов был приемлем для читателя — он «углублял» понимание последнего, за что читатель был благодарен, но все прочее оставалось на своих местах. Разные стороны спокойно оставались сосуществовать, каждое в своем пространстве. Шестов настаивал на ином, но мало ли на чем настаивает автор — читатель спокойно может насладиться увлечением и страстью автора, быть

признательным ему за горячность, с которой написан текст, но это все «культура», т.е. нечто, созданное для комфортной жизни — блага желаемые, но не обязательные, прожить ведь можно и без них.

Напротив, Шестову как раз всякая «культура» глубоко безразлична — он занят как раз тем, без чего жить нельзя — это не о «лучшей» или «благой жизни», а о жизни как таковой.

Парадоксальным образом, эта же книга оказалась и самой известной в творческом наследии Шестова — она отнюдь не самая читаемая, как показывает история переводов на другие языки (здесь лидируют две его предшествующие книги — о Толстом, Достоевском и Ницше), но ее заголовок запоминается — кажется, это способствует отмеченному ранее непониманию: читатель не считает нужным идти далее заглавия и беглого просмотра, поскольку вникать в суть шестовских мыслей сложно — и труднее всего именно по «Апофеозу». На эти трудности жаловались даже самые близкие Шестову люди — так, в письме к сестре Фане от 14.IV.1905 г. он пояснял:

«Между прочим, „Апофеоз беспочвенности“ не имел успеха даже у тех, которые справедливо относились к моим предыдущим работам, никто из моих знакомых, которым я разослал книгу, не ответили мне ни словом. Но стороной я узнал, что все недовольны: и Левин, и Лурье, например. Даже Бердяев, как ты увидишь или уже увидела из его статьи в „Вопросах Жизни“ [март 1905],

недоволен. Правда, он мне признался, что прочел книгу наскоро, так как она ему была некстати: у него уже сложилась в голове статья по прежним моим работам, а „Ап[офеоз] б[еспочвенности]“ немного расстраивал готовый план. Но все же впечатление было не в мою пользу. Володя сказал мне, что ты тоже „не понимаешь“. Так вот тебе совет: *прочти статью о Чехове — в ней связнее и проще передано содержание „Ап[офеоза] б[еспочвенности]“*. Правда, *связность и упрощение обрезают материал, но зато дает некоторую нить. Мне кажется, что после статьи о Чехове „Ап[офеоз] бесп[очвенности]“ будет понятнее* [выд. нами — А.Т.]»¹.

Первоначально, о чем и сообщает Шестов читателю в предисловии, книга задумывалась как еще одна построенная на сопоставлении двух авторов — после книг о Толстом и Ницше и Достоевском и Ницше — теперь о Тургеневе и Чехове. Собственно, «Творчество из ничего», статья о Чехове, вышедшая в том же году, к которой Шестов отсылал сестру, являлась другой частью этого первоначального замысла. Однако по ходу работы стало понятно, что говорить «через другого» в данном случае не получится (Тургенев оказался совершенно случайным предметом, который пришлось отбросить) и решить не «собирать книгу», а, напротив, сохранить «афоризмы»,

¹ Баранова-Шестова Н. А. Жизнь Льва Шестова. В 2 т. Т. I. — Париж: La Presse Libre, 1983. С. 80.

ту исходную форму, которую имели заметки, вносимые Шестовым в тетрадь¹. У Ницше Шестов позаимствовал форму — точнее, литературную санкцию на свою собственную форму, ведь фрагменты Шестова очень далеки от ницшевских и именно там, где он пытается подражать Ницше, он наименее удачен и в них лучше всего заметна разница между этими мыслителями. Если Ницше разнообразен и наблюдателен, то Шестов всегда об одном, преследует ровно одну мысль — лишь заходя все с новых и новых сторон, не способный отвлечься на постороннее. Оттого ему и нет нужды в связности и последовательности: ведь он не нанизывает цепочку рассуждений, его утверждение одно единственное — необходимость не может обосновать саму себя, ее права не больше прав произвола, чтобы мы приняли ее права, мы уже должны принять ее, чтобы вообще рассуждать о правах, мы уже должны оказаться во власти необходимости.

Шестов поздно приходит в литературу — он не собирався быть профессиональным литератором или философом, он стал писать потому, что ему нужно было выговориться. Сын богатого киевского коммерсанта, Исаака Шварцмана, он живет жизнью, вполне типичной для своего круга — второго поколения еврейских детей, вышедших из традиционной

¹ Рукопись незаконченной книги сохранилась и была опубликована в 1982 г. издательством «Ардис» под редакторским заглавием «Тургенев».

среды восточно-европейского еврейства, вошедших в русскую культуру не как «национальную», а, напротив, понимая ее как «большой мир», одно из окон в универсальную культуру, противостоящей ограниченности прежнего кругозора — как освобождение, а не новые оковы. Отделившись от прежней среды, семья оказывается крепостью — все ее члены, как бы они ни относились друг к другу, какие бы противоречия их ни разъединяли — противостоят всему окружающему миру: сохранение своей религии — способ держаться вместе, быть «своими» — потому что для других, приняв иную веру, ты «своим» все равно не станешь, а для «своих» быть таковым перестанешь.

Кратко описанная ситуация порождает и особое отношение к «культуре» — последняя есть нечто, способное быть общим для всех людей: оно не имеет отношения к вере, к семье. Так, Лейба Шварцман (затем взявший литературный псевдоним Лев Шестов), по примеру других, таких же как он, еврейских юношей, с благословения отца поступает в Московский университет, на физико-математический факультет, вскоре переведясь на юридический, вынужденный потом его оставить, проводит семестр в Берлинском университете и далее заканчивает уже университет Св. Владимира в родном Киеве, недолго работает помощником присяжного поверенного, помогает в семейном предприятии (и будет заниматься этим вплоть до тех, уже революционных лет, пока само это